

АНАЛИТИКА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.2-353-368

УДК 141.1

ТВОРЧЕСТВО В.В. РОЗАНОВА: ТЕХНИКА ОПИСАНИЯ И ТЕОРИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ВЕЩЕЙ КАК ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Акимов Олег Юрьевич,

кандидат философских наук, доцент,

ведущий научный сотрудник Западного филиала

РАНХиГС при Президенте РФ,

Россия, Калининград, 236016, ул. Артиллерийская, 18

ORCID: 0000-0003-0941-7382

aktula1@gmail.com

Аннотация

Философия В.В. Розанова анализируется как особое явление, предполагающее наличие множества точек зрения и интерпретаций, и рассматривается в нашей работе как видение, определяющее характер умозрения мыслителя (теорию). Оно является общим контекстом, объединяющим между собой произведения В.В. Розанова, относящиеся к разным периодам его жизни. Задачей исследования является улавливание этого видения, схватывание его особенностей, осуществленное как прослеживание общих моментов ранних и поздних работ мыслителя. Таким моментом, на наш взгляд, является своеобразный историцизм Розанова, когда бытие единичных вещей историзируется, соотносится с конечным бытием человека. Розанов не создает собственной концепции истории, а использует образы исторического в целях экспликации учения о потенциальности. Мыслитель рассматривает историческое как потенцию и предел функционирования органического и сам устанавливает этот предел как потенцию, результаты реализации которой в будущем неизвестны. Необходимо подчеркнуть, что выстроенная в работе последовательность идей является результатом их комбинирования и логического домысливания в контексте близкой Розанову античной традиции (аристотелизм) и вместе с тем компиляцией в едином контексте ранних и поздних произведений Розанова. Этот генерализованный контекст можно условно назвать контекстом историчности, в котором единичные вещи лично ориентированы, соотношены с перспективой конечности и одновременно рассматриваются с точки зрения бесконечного органического развития. Отождествление этих двух пределов: недостижимого предела органического развития и предела личностного (смертности) человека – составляет недостижимую цель твор-

чества Розанова, переживаемую мыслителем в разных образах и определяющую особенности его стиля описаний. Для него характерны незавершенность, наличие паузы, непрорисованность, непроговоренность основного мотива творчества Розанова, ключевой идеи, которую мыслитель пытался выразить в течение всей жизни и комментарием для которой являются написанные Розановым тексты. Способом актуализации этой идеи является историко-философская реконструкция образов мыслителя, помогающая эксплицировать характер его творчества.

Ключевые слова: потенциальность, энергия предел, история, теория, изменение, образ, описание, вещь, реальность.

Библиографическое описание для цитирования:

Акимов О.Ю. Творчество В.В. Розанова: техника описания и теория изменения вещей как образ исторического осмысления действительности // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 3, ч. 2. – С. 353–368. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.2-353-368.

Творчество В.В. Розанова, представляющее собой сложный и многообразный феномен, рассматривается в нашей работе как целостность, элементы которой интегрированы между собой в качестве особого исторического видения действительности, обусловленного конечностью человеческой жизни, преходящим характером бытия человека в мире. В.В. Розанов в ранних работах «О трех принципах человеческой деятельности» и «Красота в природе» создает образ исторического, не связанный с интерпретацией истории как таковой (как это имеет место, например, в работах К. Ясперса и Н.А. Бердяева), а являющийся способом истолкования метафизики мыслителя с помощью исторических примеров и предопределенный спецификой описания вещей.

Сочетание в работах мыслителя комплексности подхода и специфичности техники описания обуславливает трудности интерпретации философии В.В. Розанова, приводя к поляризации оценок духовного наследия мыслителя в истории отечественной философии от негативных (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский) [4, с. 311; 9, с. 397] до позитивных (В.В. Зеньковский, В.В. Бибихин). Исследователи подчеркивают спонтанный характер внутренних трансформаций метафизики мыслителя, который, например, В.В. Зеньковский рассматривает как переход от трансцендентализма к реализму [6, с. 437]. Целостная интерпретация этих трансформаций делает возможным понимание произведений Розанова не только в качестве литературных текстов, отражающих внутренний мир мыслителя, но и в качестве текстов философских, определяющих его метафизику. В этой связи важной представляется рефлексия тем творчества Розанова от ранней его работы «О понимании» до поздних произведений («Мимолетное», «Уединенное», «Апокалипсис нашего времени»).

А.Н. Николюкин, С.Р. Федякин, В.Б. Шкловский подчеркивают, что обращение мыслителя к так называемым темам кухни (В.Б. Шкловский) [4, с. 341] было вызвано изменением писательской манеры Розанова (переход от объемных текстов к текстам-заметкам, описывающим отдельные жизненные явления; однако причины этого изменения во многом остались нераскрытыми). В.В. Зеньковский связывает этот переход с трансформацией рационалистической метафизики Розанова в метафизику религиозную, а А.Н. Николюкин – с журналистской деятельностью Розанова, ориентированной на широкую читательскую аудиторию [15, с. 11]. Анализируя причины этого перехода, мы выделяем *контекст*, объединяющий между собой его произведения, принадлежащие к разным периодам творчества мыслителя, и заключающийся в *историчности* мира, соотносимой, с одной стороны, с описанием мира как органического целого, а с другой – с переживанием конечности человека. *Историцизм* В.В. Розанова рассматривается современными исследователями (Я.А. Аровым, А.А. Голубковой, В.В. Бибихиным, А.П. Семенюком и др.) в контексте изучения феноменов понимания и потенции, определяющих метафизику мыслителя. Например, в работе А.А. Голубковой «Литературная критика В.В. Розанова: опыт системного анализа» [5, с. 9] проблемы истории в творчестве Розанова упоминаются вместе с другими темами его публицистики. В работах В.В. Бибихина «Время читать Розанова», «Каменный Розанов», «Голос Розанова» намечен *иной* подход, при котором проблемы истории наряду с проблемами потенциальности и понимания рассматриваются в творчестве Розанова как основополагающие. В.В. Бибихин отмечает, что «Розанов обратил внимание на постоянство форм природы и истории; цель не вытесняет причину, а просто идет рядом с ней повелителем из другого мира» [2, с. 10]. Автор подчеркивает взаимосвязь концепции понимания и концепции истории в творчестве Розанова: «на понимании встает история» [4, с. 549], указывая, что понимание истории В.В. Розановым не содержит интерпретации конкретных фактов, а предполагает их комментарий в контексте метафизических проблем потенциальности и понимания [10, с. 22], акцентируя внимание на особом строгом характере учения Розанова [3, с. 261].

А.П. Семенюк, указывая на возможность историко-философской интерпретации потенциальности в творчестве В.В. Розанова [17, с. 52], рассматривает тему понимания как особую концепцию, направленную против позитивистской интерпретации истории и связанную с органицизмом В.В. Розанова [16, с. 26]. Я.А. Аров подчеркивает динамический характер учения В.В. Розанова о потенции, в котором мысль как живой поток наделяется онтологическим статусом [1, с. 125].

На наш взгляд, в своих произведениях Розанов эксплицирует *контекст* историчности мира с помощью феномена потенции, под которой по-

нимает «реализованную в разной степени возможность бытия существа» [14, с. 204], выделяя разные формы потенциального процесса. Мыслитель определяет историю мира как «полуопределенный потенциальный процесс» [14, с. 207]. При такой форме потенциальности взаимодействие потенциалов обусловлено традициями и волей конкретных людей и носит произвольный непредустановленный характер (это возникновение и крушение государств, цивилизаций и культур, общими институтами для которых являются право, политика и нравственность).

При реконструкции учения мыслителя о потенциальности, на наш взгляд, представляется возможным выделить *историю* в узком смысле (история развития потенциалов, определяющих человеческое существование посредством права, нравственности и государства) и историю в широком смысле (взаимодействие всех форм потенциальности, в том числе неизвестных и нереализованных). Мыслитель показывает возможность осуществления перехода из мира истории в узком смысле (истории людей) к истории в широком смысле (потенциальности как таковой в мире людей и вещей).

В «Уединенном» и «Мимолетном» Розанов связывает проблему потенциальности с предметным миром, создавая историю внутренних трансформаций вещей как следования их имманентным целям (переход от молодости к старости, от здоровья к болезни, от язычества к христианству [12, с. 334; 15, с. 218]), рассматривает их как потенциалы (тем самым интуиция потенциальности становится частью художественного мира Розанова, что отражается в описании взаимодействия вещи и сознания, вещей между собой, вещей, увиденных в оптике зрения Розанова и демонстрирующих сложный характер восприятия действительности как таковой). Розановская интуиция истории представляет собой *набрасывание* (в терминологии Г.Г. Гадамера) конкретных тем, не связанных между собой, но включенных в онтологический контекст изменения вещей, характеризующий разные периоды творчества мыслителя, в которые «набирает силу» его теория изменения вещей. Особенность розановской теории изменения вещей заключается в том, что идея мыслителя, характеризующая его ранние произведения («О трех принципах человеческой деятельности», «Природа и история»), о переходе органической энергии в психическую (духовную) как цели истории особым образом переносится на мир вещей [17, с. 50]. Необходимо отметить, что вещи у Розанова не материальные объекты и не идеальные сущности, а возможности перехода между идеями и объектами, увиденные особым зрением мыслителя – *теорией*. Розанов *историофизифирует* вещи, телеологически рассматривая их как части человеческого мира [11, с. 196].

Поздние произведения В.В. Розанова – «Уединенное», «Мимолетное» – посвящены разработке тем, связанных с прояснением облика отдельных вещей. Этим объясняются стилистические особенности произведений Розанова (недоговоренность, хаотичность, незаконченность отдельных смысловых линий, своеобразная прерывность мысли, которая, скорее мысль-настроение, чем мысль-понятие). Не случайно Розанов желал психологичности в литературе, т. е. возможности описать не мышление как результат, а обдумывание как процесс, этот результат предваряющий [15, с. 148]. Условием этого является для Розанова непреднамеренность, непридуманная откровенность описания, примером которой является «Уединенное» [15, с. 22] (почему именно этот способ изложения был выбран Розановым, до сих пор во многом остается загадкой, предполагаемое разрешение которой – в розановской субъективности [15, с. 48], в *психологичности*, которой так хотелось мыслителю [15, с. 148])¹. Розанов поэтому находится в поисках *строга* мира, «наряда», порядка, «нечаянно» увиденной закономерности, по которой всё существует именно так, как существует [12, с. 26; 15, с. 104, 161]. Мыслитель не считывает эту закономерность, не думает над ней, а видит ее (*теоретизирует*), и ему необходимо описать это видение как оно есть. В этом состоит особенность розановского мышления, на его языке «мыслеизобретения» [11, с. 462, 463], в котором описание должно соответствовать пластике увиденной органической жизни. По этой причине у Розанова столько пауз, повторений одних и тех же мыслей, попыток раскрыть универсальный смысл увиденного через противоречащие друг другу, а иногда и противоположные образы.

Специфика розановского описания – метонимическое очеловечивание вещей (вещи у Розанова смотрят и глядят, как люди, а не просто выглядят. Примером этого является описание выбора игрушек для детей в «Уединенном» [15, с. 95, 96]). Очеловечивание для Розанова не литературный прием, а явленный смысл действительности, от концептуального схватывания которого читатель только «выигрывает». Это поиск человеческого *лица* в истории, для Розанова этот «узел» бытия обозначается не только как человеческое лицо, но и как *стиль* вещей [15, с. 293] – идеальная точка, с которой на вещи удобно смотреть и с которой они могли бы смотреть сами, что помогает увидеть мир в движении, в вечном осуществлении себя как живого существа в истории [12, с. 24, 25; 15, с. 94]. Такая перспектива видения определяет отношение Розанова к истории как чередованию разговора и молчания, деятельности и покоя [11, с. 464; 15, с. 94]. В этом случае описание действительности как конкретного состояния мира рассматри-

¹ Речь идет не о психологической характеристике субъективного состояния размышляющего Розанова, а, скорее, о попытке подобрать способ описания, идентичный конкретной вещи в онтологии ее здесь-и-сейчас-явленности.

вается мыслителем и как описание *динамики* обдумывания происходящих в мире событий. Таким образом, реализуется идеал Розанова – совпадение в действительном лице субъекта и объекта, в котором исчезает неправда [15, с. 125], что позволяет автору обозначить «субстанциальную основу» всего как *дух, душа, природа* или *история*.

Мыслитель рассматривает не *события* сами по себе, а конкретные аспекты их протекания посредством включения отдельных вещей в контекст истории. Целью Розанова является не *описание* как фиксирование статуса события в данный конкретный момент времени, а *описание* как фиксирование отношения события к перспективе истории в целом, к историчности как таковой. *Историчность* по Розанову – ряд сменяющихся форм, который при обобщении обозначается как бытие, или, по-розановски, *действительность* [15, с. 169]. Для мыслителя *вещь* априори включена в этот ряд, он описывает ее движение в этом ряду как совокупность повторяющихся во времени смысловых моментов, отражающих подлинный *статус-кво* вещей. Для Розанова *статус-кво* – изменение, сопровождающее остающиеся неизменными вещи, и описание вещей возможно, только если известны особенности этого изменения. Розанов проходит путь от фиксирования этих *особенностей* в общей форме («О понимании», «О трех принципах человеческой деятельности», «Красота в природе и ее смысл» к их конкретизации в живых картинах меняющейся действительности («Уединенное», «Мимолетное»).

Философия Розанова есть попытка создать *теорию* изменения вещей, которая соответствовала бы процессам, происходящим в органическом мире. Мыслитель воссоздает *диалектику* формы и содержания (структуры и идеи) конкретных вещей. Для того чтобы сделать это, ему необходимо было *зафиксировать* вещи в состоянии изменения, показав, что они *неодинаковы и меняются*, – в этом заключается интуиция Розанова, его метафизическая позиция, которую он отстаивает в разных формах в течение всей жизни [15, с. 316, 317]. С нашей точки зрения, представляют интерес частные моменты этой интуиции, позволяющие лучше понять общефилософскую специфику произведений мыслителя. Один из этих моментов, создающих розановскую «картину мира», – предельная отвлеченность, абстрактность интуиций мыслителя. В ранних работах – «О трех принципах человеческой деятельности» и «Красота в природе и ее смысл» – Розанов анализирует динамику изменения вещей через экспликацию проблематики красоты и проблематики деятельности. Таким образом, становится очевидным *диффузный* характер мышления Розанова (о подобном характере мышления писал А.Ф. Лосев на примере Плотина [7, с. 254, 255]). Мыслитель рассматривает не только «основной» предмет своего исследования (сущность красоты или сущность деятельности), но

и отношение этого предмета к окружающей действительности, точнее говоря, то, как действительность формируется, конституируется, развертываясь на фоне данного предмета. История, по Розанову, образует *сеть* пределов для развития органического [14, с. 193], поэтому для мыслителя очевидны вещи, которые напрямую не следуют из эмпирического опыта (например, связь красоты и органической энергии или связь нравственности, политики и права с телеологической установкой существования [13, с. 52]). Тем самым Розанов *демонстрирует* способ видения вещей, обращаясь к *самим* вещам, помогающим не понять, а, скорее, «увидеть» его правоту [11, с. 196; 15, с. 154, 216].

Исходные установки Розанова создаются как оправдание «живого» функционирования мира, в котором «открытые» мыслителем формы жизни не существуют сами по себе, а вовлечены в динамику изменения *всего*. Это изменение для Розанова – движение к *цели*, конкретные моменты которого могут быть связаны или не связаны друг с другом онтологически, что «заставляет» Розанова рассматривать историю человечества или органическую жизнь в целом [13, с. 53]. Малейшее отступление – *сужение масштаба* – означает *превращение* розановских обобщений в абстрактные сентенции; «абстрактность» не снимается и в поздних произведениях Розанова, несмотря на конкретность используемых им образов и обыденность изложения, понять которую можно, увидев розановскую конкретику как сложное целое, *теоретизировав* ее [12, с. 116].

Обращение к целому «демонстрирует» особенность розановского мышления – *экспозицию* идеального обращенного вовнутрь содержания через реальные, обращенные вовне действия и процессы. Для мыслителя не существует идеи, которая не была бы воплощена в действительности и не соответствовала бы через это чему-то внешнему себе, что понятно и доступно для всех [11, с. 527]. Соответствие *иному* Розанов распространяет на все сферы, которые рассматривает: связность людей в семье, государстве, церкви, связь тела и души, связь вещей между собой; вещь, на которую нельзя посмотреть через другую, точнее говоря, ее нельзя увидеть в другой как ее продолжение, для Розанова не существует [14, с. 196]. Изложение Розанова в ранних работах обобщено, так как оно предполагает знание этой связности. Соответствие *иному*, которое не стабильно, а изменчиво определяет и сложный «путаный» язык Розанова [15, с. 131] (не *спутанность* слов, а спутанность создающей себя, незаконченной, неоформленной мысли); для Розанова спутанность – неоспоримое достоинство, поскольку он таким образом проецирует идею вовне, этот процесс потенциально бесконечен [5, с. 23; 15, с. 22, 28]. Розанов всегда определяет что-то, что первоначально не нуждалось в определении. Например, темой работы «О трех принципах человеческой деятельности» является тема потенциаль-

ности, которую автор воспринимает как комментарий к основной теме – деятельности. В этой работе мыслитель дает важное для нас определение потенции как «реального существа, которым оно может стать в отношении к третьему, соединяясь со вторым» [14, с. 202]. Это определение – попытка показать динамику перехода от внутреннего к внешнему, от идеи к вещи и, наконец, от одной вещи к другой. Розанов демонстрирует взаимную связанность всего, что существует, которая соответствует имманентным характеристикам любой вещи. «Соединяясь с другим», *феномен*, по мысли Розанова, как бы раздвигает свои границы, внешне оставаясь тем же самым, поэтому мыслитель с такой любовью описывает, например, органические формы растений в момент рождения новой жизни. Для Розанова важна идея перехода, возможность увидеть одну вещь в другой без внешней механической связи между ними [12, с. 14, 15, 23, 24, 81, 199]. Розанов *конструирует*, додумывает эту возможность, и это не его субъективный произвол или фантазия, а то, почему «в каждом реальном существе совмещаются многие существа» [14, с. 203], этим объясняется и розановская метафизика пола («пол – магическая точка» [12, с. 57]).

Построения Розанова *органоцентричны*, связаны с переходом одного живого в другое, поэтому речь идет о существах, а не о субстанциях; по-розановски, потенция – «предустановленная возможность перехода» [14, с. 206]. Мыслитель подчеркивает момент соединения: например, семя – потенция дерева, но только в соединении с землей, на которой дерево вырастает. Розанов, таким образом, создает картину взаимодействия всего со всем и одного во всем. Мыслителя в большей степени интересует потенциальность в своем конкретном протекании, чем границы и возможности перехода потенциального в актуальное, поэтому розановское видение потенции лишено аристотелевской строгости и выдержанности. Розанов как бы открывает потенциальность заново, поэтому *понимание* Розанова сродни не обдумыванию, а угадыванию, которое указывает Розанову, что «потенциальный процесс – способ перехода реального существа во что-то другое» [14, с. 202]. Мыслитель описывает взаимную связанность не только явлений, но и способов взаимодействия этих явлений, что придает *теории* дополнительную сложность, поэтому он часто видит то, чего нет де-факто. Утверждения Розанова, как правило, близки сфере фактов, которые «в вечном полинии» [15, с. 323, 324], поэтому они связаны с «*техникой*» мысленных построений, а каждая идея философа является потенцией всех других настоящих и будущих его идей [12, с. 16]. Это означает переходность, изменчивость розановских построений, каждая его теория органически включает в себя другие теории (умозрения), а также связанное с ними восприятие фактов под особым, *иным* углом зрения, что предполагает не только преемственность идей, но и преемствен-

ность форм восприятия, соответствующих этим идеям, повторяемость этих форм в истории.

В ранних работах («О трех принципах человеческой деятельности» и «Красота в природе») Розанов подтверждает постулат об универсальном характере потенциальности: «жизнь есть определенная потенция» [14, с. 207]. Изменение *вещей*, увиденное в свете учения о потенциальности, предполагает, что существует нечто неизменное (об этом свидетельствует аристотелевское учение о потенции). Розанов же рассматривает потенциальность как всеобщее свойство бытия под углом *изменчивости*. В этом заключается *трагизм* философии Розанова, для него любая потенция порождает новую, а само *изменение* лично воспринимается мыслителем как умирание, гибель предыдущей формы жизни; этой изменчивости нет предела в истории, и формы ее не очерчены. Несмотря на диалектический характер потенциального процесса, раскрывающийся в истории философии (в частности, в Античности), на наш взгляд, розановское видение его недиалектично, точнее говоря, оно построено как выдвижение *недиалектических* моментов этого процесса. Недиалектический характер теории Розанова можно интерпретировать с нескольких позиций. Одна позиция внутренне обусловлена объективным идеализмом Античности (Платон и Аристотель), в соответствии с ней всё потенциально, а значит, всё существует. Эту позицию в работе «О трех принципах человеческой деятельности» подтверждает и Розанов: «потенция – отрицание небытия» [14, с. 208].

Иная позиция, контуры которой намечаются в ранних работах («О понимании», «О трех принципах человеческой деятельности», «Красота в природе»), становится очевидной на страницах «Уединенного» и других поздних произведений. Она не объясняется мыслителем, не вводится метафизически как в ранних работах, а переживается в контексте собственной конечности Розанова, сводясь к тому, что все потенции никогда не могут быть актуализированы и подлинные условия их актуализации неизвестны [14, с. 204]. Розанов описывает это тогда, когда говорит о *роке* в истории, пошлости, несовершенстве людей и собственном несовершенстве, а также о жалости к вещам [11, с. 196; 15, с. 154].

Розанов понимает под потенцией «предустановленную возможность» [14, с. 209], полагая, что формы ее актуализации предельны и ограничены, но мыслитель не обозначает этот *предел* как нечто определенное и законченное, поскольку в этом случае прекратилось бы действие потенциальности и вещи уже не могли бы стать другими, а значит, не было бы многообразия проявлений добра и зла, хаоса и порядка, красоты и безобразия, которые являются, по Розанову, подлинными [12, с. 63, 96]. Необходимо отметить, что Розанов соединяет отвлеченное учение о потенции с

«грубым» натурализмом жизни, не определяя вещи и не сводя в одну точку их многообразные проявления. Этим объясняется интерес Розанова к *полу*, поскольку в нем проявляется *переходность* от одного существа к другому, предел которой заключается в ней самой, при этом каждое последующее звено не повторяет предыдущее и тем не менее особым образом определяется им [13, с. 53]. Потенциальный процесс является для себя самого и причиной, и целью; тот же самый принцип Розанов применяет и к другим областям жизни (вещам в их изменчивости), что определяет специфику описаний мыслителя. Предмет интересует Розанова настолько, насколько он *привлекает*, т. е. настолько, насколько можно в одном конкретном проявлении увидеть *феномен* как причину и цель, после чего мыслителю уже не интересно на него смотреть [12, с. 38; 15, с. 53]. Розанов, рассматривая, описывает процесс этого рассматривания, «разделяя» его на *этапы* и полагая каждый этап как потенцию последующего. По этой модели в творчестве Розанова воссоздается всё многообразие отношений в мире (человек, семья, космос, где без человека и семьи нет космоса; в этом разгадка описания мыслителем своего места в семье Рудневых – Бутягиных [15, с. 139, 140] или критики позитивизма [11, с. 198, 199, 210, 211]).

Теорию вещей Розанова можно разделить на несколько циклов таких описаний и, расположив их по степени важности, постичь тайну Розанова, как это пытался сделать В.Б. Шкловский [4, с. 341]. Вместе с тем *постижение* не отображает целого (космоса), поскольку Розанов не видит *предела* потенциальности и не связывает его с конкретной закономерностью развития мира [15, с. 316, 317]. Конечная цель движения вещей, по Розанову, в многообразии конкретных деталей, которые можно увидеть и понять или не обратить на них внимания [15, с. 109, 198]. Розанов разделяет *механизм* как сферу неопределенной потенции и *организм* как сферу потенции определенной (дерево) и полуопределенной (человек) [14, с. 205]. Мыслителя интересует момент перехода от неопределенной потенции (механическое и вообще материальное) к определенной и полуопределенной потенции (органическое), так как *переход* тоже есть потенция, и он в своем реальном осуществлении является для себя *пределом*. Таким образом, развенчивается миф о субъективизме Розанова (мыслитель пишет о несовпадении внешней и внутренней жизни, которое он открыл у себя в тринадцать лет [15, с. 201, 202]). Важно отметить, что это не психологическое наблюдение, а продолжение разговора о потенциальности, поскольку в полуопределенной потенции, в отличие от неопределенной (чисто механической), есть момент *произвольности* или, по-розановски, «космологической свободной воли» [11, с. 458]. *Высвечивание* произвольности важно для Розанова, поскольку в ней мыслитель выражает интенцию своего творчества – раскрытие свободной потенциальности как предельной, непроявленной огра-

ничности. Свобода раскрытия потенции, ее *перетекания* из одной вещи в другую абсолютна и в то же самое время ограничена – в этом особенность метафизики Розанова. Фактически вещь раскрывает себя, вместе с тем раскрывая всё то, что вне и вокруг нее как возможность соединения ее с другими вещами, которая потенциально бесконечна [11, с. 527]. Поэтому Розанова интересует свобода произвольно выбранного идеала, ограниченного природой, Богом, судьбой, слепой случайностью – всем, кроме механической необходимости. Свобода предполагает *произвольность* реагирования на внешний мир, поэтому живое, пока оно не умирает и не обращается в шаблон, остается свободным [12, с. 95; 15, с. 124], несмотря на то что оно существует внутри *предела* своего разворачивания (история понимается Розановым как сеть пределов [13, с. 53], *пределом* может быть космос или улица [12, с. 131, 132]). На наш взгляд, у Розанова можно выделить «внешнее» и «внутреннее» измерение предела. Внешнее измерение – история человечества или быт, поэтому «счастье народов может быть решено величественно и низко» [12, с. 104, 105]. Оно интересует Розанова как история «шумов, событий» [11, с. 449], что составляет внешнюю сторону описаний – *предел*, относительно которого рассматриваются розановские идеи. Другой *предел* – история «молчания», того, о чём «было промолчено» [12, с. 204]; он связывает внешние события с внутренним миром человека, не с субъективной стороной индивидуальности, а с *идеей-целью* как «продуктом» мысли, *независимым* от субъекта [14, с. 199]. Область абсолютного существует для Розанова как объединение внешнего и внутреннего *предела*, она потенциальна и полностью не актуализируется (ее мыслитель имеет в виду, когда пишет о своем исключении из религиозно-философского общества [11, с. 201, 202]). В «Мимолетном» Розанов говорит об этом: «Наша история есть наиболее позволяющая, наш быт есть наиболее позволяющий» [11, с. 573], что означает *выраженную* возможность связи со всеми материальными и идеальными сторонами бытия, со всем, что существует. На «высоких» ступенях органической жизни эта связь, по Розанову, характеризуется большей степенью произвольности и свободы проявлений и более сложной зависимостью от *предела*, обращенной вовнутрь, в человеческий субъективный мир [14, с. 206]. В механизмах эта зависимость потенциально неопределенна, т. е. материальная вещь напрямую обусловлена тем, от чего она зависит (этот процесс описан А.Ф. Лосевым в «Диалектике мифа» [8, с. 46]). Эта зависимость обращена вовне и безжизненна (неорганична), поэтому Розанов не признает скрытого или явного приравнивания внутренней жизни человека к чему-то внешнему (механическому) [15, с. 128, 129]. Вместе с тем мыслитель осознает *предельный* характер потенциальности, акцентируя в собственном особом видении исторического моменты, когда актуализация *предела* проходит через внутреннюю жизнь человека, стано-

вась имманентной его жизни, и в этом случае она не осознается как ограничение, а становится свободой (описание лиц Погодина и Миля [15, с. 143] и вообще описание человека в радости и любви [15, с. 158, 163, 228]). Необходимо отметить, что два видения *предела* так и не были отождествлены Розановым, мир «остаётся неопределённым и свободным» [12, с. 95], а страх вечности оказывается «страхом каждой минуты» [11, с. 364]. Спрашивая о свободе, Розанов приближает *предел*, а определяя вещь, освобождает ее (ведь «удел бедного человека на земле – слышать только свое собственное эхо» [11, с. 197]), оставаясь вечным излагателем собственной сказки, которую мыслитель помогает услышать своим читателям [11, с. 197].

Литература

1. *Аров Я.И.* «Потенциальное» как центральная категория в философии В.В. Розанова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2022. – № 2 (60). – С. 124–129. – DOI: 10.24866/1997-2857/2022-2/124-129.
2. *Бибихин В.В.* Время читать Розанова // Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – М., 1996. – С. 9–25.
3. *Бибихин В.В.* Другое начало. – СПб.: Наука, 2003. – 430 с. – (Слово о сущем; т. 47).
4. В.В. Розанов: pro et contra: антология / сост., вступ. ст., коммент. А.Я. Кожурина. – СПб.: Изд-во РХГА, 2021. – 824 с.
5. *Голубкова А.А.* Критерии оценки в литературной критике В.В. Розанова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2005. – 24 с.
6. *Зеньковский В.В.* История русской философии: в 2 т. – СПб., 1991. – 880 с.
7. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 960 с.
8. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
9. *Лосский Н.О.* История русской философии: пер. с англ. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.
10. *Розанов В.В.* О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – М.: Танаис, 1996. – 808 с.
11. *Розанов В.В.* Когда начальство ушло... 1905–1906 гг.; Мимолетное. 1914 г. / сост. П.П. Апрышко и А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2005. – 671 с. – (Розанов В.В. Собрание сочинений).
12. *Розанов В.В.* Мимолетное / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1994. – 541 с. – (Розанов В.В. Собрание сочинений; 2).
13. *Розанов В.В.* Природа и история: статьи и очерки 1904–1905 гг. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. – 766 с. – (Розанов В.В. Собрание сочинений; 25).

14. *Розанов В.В.* Эстетическое понимание истории: статьи и очерки 1889–1897 гг.; Сумерки просвещения / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. – 878 с. – (Розанов В.В. Собрание сочинений; 28).

15. *Розанов В.В.* Уединенное / сост., вступ. ст. А.Н. Николюкина. – М.: Политиздат, 1990. – 543 с.

16. *Семенюк А.П.* Проблема понимания в русской религиозной философии XIX – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. – Томск, 2016. – 34 с.

17. *Семенюк А.П.* Учение о потенциальности В.В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19, № 1. – С. 52–54.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023.

Статья прошла рецензирование 30.05.2023.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.2-353-368

THE CREATIVITY OF V.V. ROZANOV: TECHNIQUE OF DESCRIPTION AND THE THEORY OF THE CHANGE OF THINGS AS A METHOD OF REFLECTING REALITY

Akimov, Oleg,

Cand. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,

Leading Researcher of the Western Branch of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration (RANEPA),

18 Artilleriyskaya Street, Kaliningrad, 236016, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0941-7382

aktula1@gmail.com

Abstract

The creativity of V.V. Rozanov is a special kind of theory (speculation), allowing one to see things as potencies. The thinker perceives the phenomena and processes of the material and spiritual plane in the context of this speculation. Istria defines the internal and external relationship of these processes as a set of external and internal changes. External changes are defined by the concept of uncertainty, and internal definitions of a certain potency. Rozanov considers the interaction of these potencies simultaneously statically and dynamically. Statically, it presupposes the existence of regularities and the victory of order over chaos. Dynamically manifested as the primacy of randomness in life, since all potencies can not be realized. The interaction of these two forms of change creates life in all its complexity, Rozanov's theory helps us comprehend, therefore, at different periods of the thinker's creativity, both static and dynamic aspects of potentiality that create the history of the world as a sounding word and as a silence. This avoids subjective and one-sided interpretations of the thinker's philosophical heritage. The author uses the method of reconstruction in the work, which makes it possible to show that the philosophical heritage of Rozanov is a semantic field formed around the concept of "potentiality." The scientific novelty of the study lies in the possibility of isolating broad contexts of Rozanov's work and considering its various aspects as a complete metaphysical and dialectical theory, that helps to integrate different aspects and sides of Rozanov's creativity and makes it more understandable.

Keywords: Potentiality, energy, limit, history, theory, change, way, description, thing, reality.

Bibliographic description for citation:

Akimov O. The Creativity of V.V. Rozanov: Technique of Description and the Theory of the Change of Things as a Method of Reflecting Reality. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 3, pt. 2, pp. 353–368. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.2-353-368.

References

1. Arov Ya.I. «Potentsial'noe» kak tsentral'naya kategoriya v filosofii V.V. Rozanova [“The potential” as a central category in Vasily Rozanov’s philosophy]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke = Humanitis researches in the Russian Far East*, 2022, no. 2 (60), pp. 124–129. DOI: 10.24866/1997-2857/2022-2/124-129.
2. Bibikhin V.V. Vremya chitat' Rozanova [Time to read Rozanov]. Rozanov V.V. *O ponimanii. Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroeniya nauki kak tsel'nogo znaniya* [About understanding. The experience of studying the nature, boundaries and internal structure of science as an integral knowledge]. Moscow, 1996, pp. 9–25.
3. Bibikhin V.V. *Drugoe nachalo* [Another beginning]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 430 p.
4. Kozhurin A.Ya., comp. *V.V. Rozanov: pro et contra: antologiya* [V.V. Rozanov: pro et contra. Anthology]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2021. 824 p.
5. Golubkova A.A. *Kriterii otsenki v literaturnoi kritike V.V. Rozanova*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Evaluation criteria in literary criticism of V.V. Rozanov. Author’s abstract of PhD Diss. in Philology]. Moscow, 2005. 24 p.
6. Zen'kovskii V.V. *Istoriya russkoi filosofii*. V 2 t. [History of Russian Philosophy. In 2 vol.]. St. Petersburg, 1991. 880 p.
7. Losev A.F. *Istoriya antichnoi estetiki. Pozdniy ellinizm* [History of ancient aesthetics. Late Hellenism]. Moscow, AST Publ., 2000. 960 p.
8. Losev A.F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 525 p.
9. Lossky N.O. *History of Russian Philosophy*. New York, International University Press, 1951 (Russ. ed.: Losskii N.O. *Istoriya russkoi filosofii*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 480 p.).
10. Rozanov V.V. *O ponimanii. Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroeniya nauki kak tsel'nogo znaniya* [About understanding. The experience of studying the nature, boundaries and internal structure of science as an integral knowledge]. Moscow, Tanais Publ., 1996. 808 p.
11. Rozanov V.V. *Kogda nachal'stvo ushlo... 1905–1906 gg.; Mimoretnoe. 1914 g.* [When the authorities left. Fleeting. 1914]. Moscow, Respublika Publ., 2005. 671 p.
12. Rozanov V.V. *Mimoretnoe* [Fleeting]. Ed. by A.N. Nikolyukin. Moscow, Respublika Publ., 1994. 541 p.
13. Rozanov V.V. *Priroda i istoriya: stat'i i ocherki 1904–1905 gg.* [Nature and History: Articles and Essays 1904–1905]. Moscow, Respublika Publ., St. Petersburg, Rostok Publ., 2008. 766 p.
14. Rozanov V.V. *Esteticheskoe ponimanie istorii: stat'i i ocherki 1889–1897 gg.; Sumerki prosveshcheniya* [An Aesthetic Understanding of History: Articles and Essays 1889–1897. Twilight of Enlightenment]. Moscow, Respublika Publ., St. Petersburg, Rostok Publ., 2009. 878 p.
15. Rozanov V.V. *Uedinennoe* [Solitary]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 543 p.

16. Semenyuk A.P. *Problema ponimaniya v russkoi religioznoi filosofii XIX – nachala XX veka*. Avtoref. diss. dokt. filos. nauk [The problem of understanding in Russian religious philosophy of the XIX – early XX centuries. Author's abstract of Dr. in Philosophy Diss.]. Tomsk, 2016. 34 p.

17. Semenyuk A.P. Uchenie o potencial'nosti V.V. Rozanova [V.V. Rozanov's doctrine about potentiality]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*, 2013, no. 1, pp. 52–54.

The article was received on 02.05.2023.

The article was reviewed on 30.05.2023.